

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
Бердянський державний педагогічний університет
Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка Національної академії наук України

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

СЕРІЯ: ЛІНГВІСТИКА І ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Міжвузівський збірник наукових статей

Випуск XXVII

Частина 3

**Бердянськ
БДПУ
2013**

Подальше студіювання експериментальної складової прози В. Домонтовича дозволить більш повно висвітлити своєрідність художніх пошуків української модерної літератури 20-х років минулого століття.

Література

1. Винниченко В. Твори / В. Винниченко. – К.: Рух, 1930. – Т. 13. – 203 с.
2. Домонтович В. Доктор Серафікус / В. Домонтович. – Мюнхен: Українська трибуна, 1947. – 176 с.
3. Літературознавчий словник-довідник / за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва. – К.: ВЦ "Академія", 2007. – 752 с.
4. Павличко С. Д. Дискурс модернізму в українській літературі / Соломія Павличко. – К.: Либідь, 1999. – 448 с.
5. Шерех Ю. Не для дітей: літературно-критичні статті та есеї / Юрій Шерех. – Нью-Йорк: Пролог, 1964. – С. 358–375.

Анотація

Стаття присвячена аналізу одного з українських інтелектуальних романів 20-х рр. XX ст. – роману В. Домонтовича "Доктор Серафікус". У статті досліджуються особливості експериментального кохання людини технізованої епохи.

Ключові слова: модернізм, експеримент, гра, стиль, краса.

Аннотация

Статья посвящена анализу одного из украинских интеллектуальных романов 20-х гг. XX века – романа В. Домонтовича "Доктор Серафikus". В статье исследуются особенности экспериментальной любви человека технической эпохи.

Ключевые слова: модернизм, эксперимент, игра, стиль, красота.

Summary

The article is devoted to the analysis of one of the Ukrainian intellectual novels of the 1920s – of the "Doctor Serafikus" by V. Domontovych's. The features of experimental love of man of technical epoch are investigated in the article.

Keywords: modernism, experiment, game, style, beauty.

Стаття надійшла до редколегії 15.08.2012 р.

УДК 821.133.1.09"18"

Тверитинова Т. И.,

кандидат филологических наук,
Киевский университет имени Бориса Гринченко

Г. ФЛОБЕР И Г. ДЕ МОПАСАН: ЛЕКАРСТВО ОТ БОВАРИЗМА

Главная героиня романа Г. Флобера "Госпожа Бовари" принадлежит если не к вечным, то уж точно к бессмертным образам мировой литературы. При достаточной изученности произведения в современном литературоведении Эмма Бовари обычно представляют как героиню, которая переживает разлад с окружающим миром и по-своему протестует против "жизни цвета плесени"

(Б. Г. Реизов, Я. Фрид, Д. С. Наливайко, О. Н. Николенко). Между тем в своем исследовании "В плену романтических воображений, или Осторожно: боваризм" Е. В. Еременко рассматривает в истории Эммы Бовари общечеловеческую проблему: когда "романтические идеалы, не имеющие никаких оснований в реальной жизни, делают человека своим заложником и, наконец, губят его морально и физически. Болезнь эта слишком опасна. Название ее – боваризм" [1, 42]. По мнению исследовательницы, такая болезнь угрожает каждому, кто подобно флюберовской героине будет стремиться к жизненным переменам, эгоистически руководствуясь лишь собственными желаниями и потребностями. В рамках компаративного анализа зачастую вспоминают еще одну героиню – Анну Каренину из одноименного романа Л. Н. Толстого: то же стремление к другой жизни, адюльтер, разочарование в мечтах и самоубийство. Однако писатели-реалисты лишь указывали на подобное явление, предоставляя делать выводы самим читателям. Г. Флобер в своем романе использует объективный стиль, в котором избегает конкретных оценок, выводов, морализаторства. Между тем в связи с поставленной проблемой следует обратиться к творчеству еще одного писателя – Г. де Мопассана, литературного ученика Г. Флобера. К сожалению, за пределами исследовательского внимания оказалась его героиня Матильда Луазель из новеллы "Ожерелье", у которой изначально присутствуют, выражаясь медицинским языком, все симптомы боваризма и которая в силу сложившихся жизненных обстоятельств смогла их преодолеть. Этим и был обусловлен выбор нашего исследования.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить черты боваризма у героинь Г. Флобера и Г. де Мопассана, выделить сцену бала как ключевую в мире иллюзий обеих героинь и жизнь каждой после бала, чтобы понять, в чем заключается сущность лекарства от боваризма.

Введенная еще О. де Бальзаком тема утраченных иллюзий в контексте литературы второй половины XIX века получает смещение своего гендерного акцента. Если у Бальзака (30–40-е гг.) энергичные и решительные герои в стремлении к богатству и карьере довольно быстро утрачивали свои романтические иллюзии относительно возвышенных чувств и честной и порядочной жизни, то уже в 50-е годы в творчестве Флобера таких героев нет. На фоне самодовольных и ограниченных мужчин Эмма Бовари кажется героиней, ведь именно она протестует против серости и обыденности мещанской жизни.

Дочь фермера, получившая образование в монастыре вместе с более богатыми ровесницами, пристрастилась к чтению романтических романов, которые и повлияли на формирование ее внутреннего мира и жизненных интересов. Однако следует изначально, как это делает В. В. Набоков, уточнить значение термина "романтический": "отличающийся мечтательным складом ума, увлекаемый яркими фантазиями, заимствованными главным образом из литературы (то есть скорее "романический", чем "романтический)" [2, 205]. Обычная жизнь на природе Эмме была знакома с детства, поэтому в книгах ее привлекало все необычное: "если уж

море, то чтобы непременно бурное, если трава, то чтобы непременно среди развалин. Это была натура не столько художественная, сколько сентиментальная, ее волновали не описания природы, но излишества чувств, в каждом явлении она отыскивала лишь то, что отвечало ее запросам, и отметала как ненужное все, что не удовлетворяло ее душевных потребностей” [6, 61]. В романах, которые она читала в монастыре, “только и было, что любовь, любовники, любовницы, преследуемые дамы, падающие без чувств в уединенных беседках, почтальоны, которых убивают на всех станциях, лошади, которых загоняют на каждой странице, темные леса, сердечное смятение, клятвы, поцелуи в челноке при лунном свете, соловьи в роще; кавалеры, храбрые, как львы, и кроткие, как ягнята, добродетельные сверх всяких возможностей, всегда красиво одетые и плачущие, как урны” [6, 61]. “Дело не в том, – резюмирует В. Набоков, хороши или плохи эти романы. Дело в том, что она плохая читательница. Она читает эмоционально, поверхностно, как подросток, воображая себя то одной, то другой героиней” [2, 210]. Таким образом, в иллюзорном мире Эммы складывается свое представление о счастье.

Миф об идеальном мужчине (муже) возникает в ее воображении еще до свадьбы с Шарлем Бовари: “должен знать все, быть всегда на высоте, должен вызывать в женщине силу страсти, раскрывать перед ней всю сложность жизни, посвящать ее во все тайны бытия” [6, 65]. Немаловажное место в ее мечтах занимает романтический антураж их жизни: горы, водопады, лимонные деревья, вечерние сидения “на террасе виллы вдвоем, рука в руке, чтобы смотреть на звезды и мечтать о будущем” [6, 64]. Романтическая Эмма живет в двух измерениях: реальном и вымышленном. Окружающему миру с его провинциальной обыденностью, спокойной и однообразной жизнью с заурядным мужем она предпочитает мир своих иллюзий, где воображает себя утонченной светской дамой в атмосфере роскоши и поклонения.

Однако если в начале своей семейной жизни Эмма еще не представляет, что ей нужно, то после посещения бала в замке Вобьесар она воочию убеждается в материализации ее идеального мира, в котором она танцевала с аристократами, сидела с ними за одним столом, ела изысканные блюда. “Поездка в Вобьесар расколола ее жизнь – так гроза в одну ночь пробивает иногда в скале глубокую расселину”, – замечает Флобер [6, 78]. Благоговейно уложив в комод свой бальный наряд, она обращает внимание на атласные туфли, подошвы которых пожелтели от навощенного паркета. “С ее сердцем случилось то же, что и с туфельками; от соприкосновения с роскошью на нем осталось нечто неизгладимое” [6, 78]. Среди воспоминаний и сожалений о прошедшем бале особое место занимает зеленый шелковый портсигар, оброненный кем-то из гостей. Эмма в своих уединенных размышлениях представляет целую историю этой вещи, полученной виконтом, возможным ее владельцем, в подарок от любовницы. Воображение ее использует обычный набор романтических штампов: запретная любовь, страстные свидания, обстановка комнаты с цветами и часами в стиле Помпадур (любовницы короля

Людовика XV) и, наконец, Париж, куда уехал виконт. Именно после незабываемого бала в Вобьесаре в Эмминых иллюзиях начинает формироваться миф о Париже. Она покупает карту Парижа, выписывает дамский журнал, где читает все подряд о премьерях, о скачках, о вечерах, следит за модами, за распорядком прогулок в Булонский лес и поездками в Оперу. Столичная жизнь представляется ей со страниц романов Э. Сю, О. де Бальзака, Жорж Санд. В багровом зареве этой жизни Эмма выделяет несколько картин, которые “являлись для нее изображением человечества в целом” [6, 80]. Мир дипломатов, “длинных мантий, великих тайн, душевных мук, скрывающихся за улыбкой”, герцогинь и мужчин, “непризнанных талантов с наружностью вертопрахов”, актрис и литераторов, возвышающихся над всеми. “Чувственное наслаждение роскошью отождествлялось в ее разгоряченном воображении с духовными радостями, изящество манер – с тонкостью переживаний” [6, 80]. Миф этот будоражил ее воображение и вызывал окончательное отвращение к повседневному быту целый год, когда она ждала какого-то события, которое бы изменило ее жизнь, считала, загибая пальцы, сколько недель осталось до бала в Вобьесаре, однако больше приглашения не последовало. Особенно ее возмущает несправедливость провидения, она считает себя не хуже герцогинь, тоскует по шумной жизни и предосудительным наслаждениям. Все это сопровождается проявлением полного равнодушия к себе и окружающим, тяжелой депрессией, нервными расстройствами. “Психические муки перерастают в физические, загадочные болезни госпожи Бовари – лишь невротические проявления неудовлетворенности жизни”, – отмечает Е. В. Еременко [1, 43].

Переезд доктора Бовари с женой из Тоста в Ионвиль-д'Аббеи следует рассматривать не как начало новой жизни в других условиях, а начало гибели героини, сначала нравственной, потом физической.

Символичен факт пропажи Эмминого щенка во время переезда в другой город. На это указывает В. В. Набоков: “пропажа щенка... символизирует конец в меру романтических, меланхолических грез в Тосте и начало более страстного периода в роковом Ионвиле” [2, 211–212]. Порода щенка выбрана писателем не случайно: на гравюрах, которые Эмма рассматривала в монастыре в кипсеках своих богатых подруг, именно такая борзая собака сопровождала томных леди в колясках. Мысли героини, неясные и неопределенные, постоянно переключающиеся с предмета на предмет, подобно резвости ее щенка на прогулке, постепенно утверждают в выводе: “Зачем я вышла замуж?”. Если до поездки в Вобьесар Эмма мучилась оттого, что муж ей достался не такой умный, благовоспитанный и обаятельный, как ее подругам по монастырю, то после бала, развивая миф о Париже, она сожалеет о полном отсутствии у него честолюбия: ведь он своим трудом мог бы прославить имя Бовари, которое носит и она.

Заслуживает внимания еще одна деталь. Среди сломанных и потерянных вещей во время переезда из Тоста в Ионвиль особое место занимает статуя гипсового священника. Изначально она находилась в саду тостовского дома: “в глубине, под пихтами, читал молитвенник гипсовый священник” [6, 57]. Во второй

раз упоминание о гипсовой статуе появляется вскоре после того, когда ожидания Эммы не оправдались и приглашения в замок они не получили. Она впадает в тяжелую депрессию, лишь иногда выходя в сад на прогулку, и замечает: “У священника в треугольной шляпе, читавшего молитвенник под пихтами возле изгороди, отвалилась правая нога, потрескался гипс от мороза, лицо покрыл белый лишай” [6, 85]. К этому времени трещина произошла в душе самой героини после бала (об этом пишет Флобер), после года напрасных ожиданий и мечтаний книги ей становятся неинтересными, а более-менее целомудренные иллюзии (священник с молитвенником) окончательно разбиваются на мелкие куски при переезде в другой город. И сожженный ею свадебный букет, на который она наткнулась, готовясь к отъезду, и который безжалостно бросила в огонь, – воспринимается также как предзнаменование гибели не только семейной жизни героини, но и ее самой, причем сделанной собственноручно.

В романе с иллюзиями героини (необоснованными надеждами, несбыточной мечтой) органически связана тема обмана. Начинается с того, что Эмма обманывает саму себя, мечтая о том, что в принципе для нее, фермерской дочери, быть не может. Получив приглашение на бал, она обманывает себя еще раз, надеясь, что после этого жизнь ее изменится. Потом она начинает обманывать Шарля: после года напрасных ожиданий Тост ей становится невыносимым, и она своими нервными приступами уверяет мужа во вреде местного климата. В Ионвиле – поистине роковым для нее городе – Эмма уже безоглядно лжет, изнемогая от платонической любви к Леону, переживая страстный роман с Родольфом, с Леоном (“В Париже все так делают!”), в неистовом стремлении к роскошной жизни за спиной мужа (и при его безропотном попустительстве) она в конце концов запутывается в долгах, рушит не только моральное, но и материальное состояние своей семьи, окончательно превратившись во лживое чудовище – мадам Бовари, разрушившую свою жизнь и жизнь своих близких. Так что, по мнению Е. В. Еременко, роману Г. Флобера больше бы подошло название “Гибель души”: “девочка с романтическими идеалами превращается в покорную “велению плоти, жажде денег, томлению страсти” женщину *не вопреки логике событий и правде характера, а именно благодаря им*” (курсив автора) [1, 42].

Стереотип госпожи Бовари стал объектом внимания последующей литературы. Ученик Флобера Мопассан в своем творчестве также неоднократно обращается к женскому образу, в юности – наивному и романтическому, в зрелости – опустошенному и подавленному из-за утраты иллюзий. В процессе постижения творчества своего учителя он все чаще задумывался о развязке жизненной драмы такой героини. Так появляется психологическая новелла “Ожерелье”, героиня которой до определенного момента повторяет судьбу Эммы Бовари.

Известно, как требователен был Флобер к своему творчеству, оттачивая и шлифуя каждое слово романа “Госпожа Бовари” в течение долгих пяти лет. Позже Мопассан вспоминал наставления своего учителя: “Какой бы ни была вещь, о которой вы заговорили, есть только одно существительное, чтобы назвать ее,

только один глагол, чтобы передать ее действие, только одно прилагательное, чтобы ее определить. И надо искать до тех пор, пока не будут найдены это существительное, этот глагол и это прилагательное, и никогда не стоит довольствоваться приблизительным, никогда не стоит прибегать к подделкам, даже удачным, к словесным фокусам, чтобы избежать трудностей” [3, 6]. Не без влияния Флобера Мопассан от поэзии переходит к прозе, отдав предпочтение жанру новеллы. Именно в новелле, небольшом по объему произведении, взяв за основу эпизод человеческого бытия без четко обозначенного финала – “кусок жизни” – он показывает ее глубинные процессы, предлагая читателю увидеть, понять и осмыслить.

В новелле “Ожерелье”, в отличие от романа “Госпожа Бовари”, Мопассан еще более лаконичен и сдержан в характеристике своей героини. Матильда Луазель, как и Эмма Бовари, родилась в небогатом семействе, воспитывалась в монастыре, где начиталась романов и создала в своем воображении идеал любви и изысканной жизни. Обе героини были вынуждены выйти замуж за самых обычных, ничем не примечательных мужчин, тем более что Матильда не имела “ни приданого, ни надежд на будущее” [5, 150]. Обе страдают от собственной бедности и серой обыденности, считая это незаслуженным недоразумением. Мопассан замечает: “Для женщин нет ни касты, ни породы, – красота, грация и обаяние заменяют им права рождения и фамильные привилегии. Свойственный им такт, гибкий ум и вкус – вот единственная иерархия, равняющая дочерей народа с самыми знатными дамами” [5, 151]. Миф об идеальном мужчине (муже) терпит крах в иллюзиях каждой героини вскоре замужества: они не могут смириться, что их однообразная размеренная жизнь – “тихая заводь” – и есть настоящее семейное счастье. Их мужья просты и неприветливы в быту, с удовольствием едят суп с луком (у Флобера) или с капустой (у Мопассана) в то время как жены их мечтают о тонких обедах, сверкающем серебре и гобеленах, “о любезностях, которые... выслушивают с загадочной улыбкой” [5, 151].

В жизни каждой героини случается событие, которое позволяет им погрузиться в мир своей мечты, попав на настоящий бал. У Эммы – это бал у маркиза д’Андервилье в замке Вобьесар, у Матильды – вечер в министерстве народного образования. Обе героини тщательно готовятся к этому событию: шьют новые платья, волнуются, обдумывают прически и украшения. Интересно отметить, что Матильда изначально отказывается от украшения платья живыми розами, в то время как одежда и прическа Эммы украшены этими искусственными цветами. Смысловая нагрузка данного образа очевидна: роза является символом любви и страсти. То, что Матильда отказывается от живых цветов и украшает свое платье бриллиантовым ожерельем следует воспринимать как стремление скорее блистать в обществе, чем заводить в нем романы. Зато Эмма украшает себя розами предостаточно: платье отделано “тремя букетами роз-помпон с зеленью”, роза с искусственными розинками на лепестках, украшающая ее прическу (голову), казалось бы тоже символизирует любовь, мучительную до слез, только

вычитанную из книг и надуманную. На балу обе героини отдаляются от своих мужей (напоминания об обыденности), полностью погружаясь в атмосферу праздника: танцуют с другими кавалерами, имеют успех, в то время как их мужья полностью инертны, словно выключены из этой жизни: дремлют или наблюдают за играющими в карты. Словом, бал в жизни каждой героини – это возможность погрузиться в мир своей заветной мечты. Заканчивается этот праздник на рассвете: у Г. де Мопассана четко указано время: “четыре часа утра”, у Флобера приблизительно в такое же время. Молчание по пути домой – еще одна общая и последняя деталь – которая характеризует внутреннее состояние каждой героини: “Эмма молча смотрела, как вертятся колеса” [6, 77], “Они (Луазель. – Т. Т.) молча поднялись к себе. Для нее все было кончено” [5, 154]. Однако если флюберовская героиня после бала создает в своем воображении миф о Париже, который в конце концов приводит ее к разорению, запоздалому прозрению и гибели, то потеря чужой драгоценности резко изменяет жизнь героини Мопассана.

Возможно, подсказку о дальнейшей судьбе своей героини писатель нашел еще в романе Флобера, когда госпожа Бовари-мать в сердцах поучает сына: “Знаешь, как бы надо поступить с такой женой? Приучить ее заниматься делом, ручным трудом! Пришлось бы ей, как другим, работать ради куска хлеба, так небось сразу же поздоровела, – это у нее все оттого, что голова не тем забита, да от безделья” [6, 137]. В своем романе “Жизнь”, написанном за год до “Ожерелья”, Мопассан пока лишь абстрактно озвучивает эту мысль, когда в беседе с Жанной, горько сетующей на неудавшуюся жизнь, ее служанка замечает: “А что бы вы сказали, если бы вам пришлось работать за кусок хлеба, если бы вы должны были вставать каждый день, в шесть часов утра и ходить на поденщину?” [4, 57]. Конкретизируется же эта фраза в жизни следующей героини – Матильды Луазель – уже сразу после бала. Так что, создав портрет героини в ореоле боваризма, Мопассан предлагает совсем иное течение ее дальнейшей жизни. И меняет эту жизнь покупка нового бриллиантового ожерелья, которое она вернула подруге вместо потерянного.

Флобер признавался, что в романе “Госпожа Бовари” “стремился быть сдержанным и геометрически прямолинейным: никакого лиризма, никаких размышлений” [6, 309]. Мопассан в своей новелле следует его примеру. Но верхом этой “сдержанности и геометрической прямолинейности” является повествование о жизни героини после бала, напоминающее короткий репортаж. Матильда узнала тяжелый домашний труд, героически примирившись со своей судьбой. Чтобы выплатить непомерные долги, пришлось рассчитать прислугу и переменить квартиру. Ради дополнительного заработка ее муж просиживал вечерами, а то и ночами, переписывая чужие бумаги. Ей пришлось полностью заняться ненавистным бытом. Мопассан просто и безжалостно пишет об этом: “мыла посуду, ломая розовые ногти о жирные горшки и кастрюли,.. стирала белье, рубашки, полотенца и развешивала их на веревке; каждое утро выносила на улицу сор, таскала воду, останавливаясь передохнуть на каждой площадке. Одета как

женщина из простонародья,.. она ходила по лавкам,.. торговалась, бранилась с лавочниками, отстаивая каждое су из своих нищенских средств” [5, 155–156]. И если воспоминания о бале, вошедшие у Эммы Бовари в привычку, когда в своих праздных мечтаниях она отсчитывала: “Неделю... две недели...три недели назад я была в замке!” [6, 78], то Матильда Луазель лишь изредка вспоминает далекий бап и свой успех. Мопассан пишет: “Что было бы, если бы она не потеряла ожерелья? Кто знает? Кто знает? Как изменчива и капризна жизнь! Как мало нужно для того, чтобы спасти или погубить человека” [5, 156].

Используя бинарную оппозицию спасти-погубить, Мопассан все же считает, что потрясение от пропажи чужой драгоценности и вынужденные долги погубили иллюзорный мир героини, однако спасли саму Матильду, испытания сблизили ее с мужем, с которым она с честью вышла из бедственного положения.

Как видим, в интерпретации Мопассана верным лекарством от боваризма стало потрясение, связанное с материальными проблемами, и жизнь, полная ответственности и напряженного труда. Но ведь “жизнь, – как когда-то заметил Флюбер и уже повторил Мопассан, – “не так хороша, но и не так плоха, как о ней думают”” [4, 60].

Литература

1. Єременко О. В. У полоні романтичних уявлень, або Обережно : боваризм : [за романом Г. Флобера “Пані Боварі”] / О. В. Єременко // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 1999. – № 7. – С. 42–44.
2. Набоков В. В. Гюстав Флобер [1821–1880], “Госпожа Бовари” [1856] / В. В. Набоков // Лекции по зарубежной литературе / [пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Г. Дашевского и др.]. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. – С. 197–256.
3. Мопассан Г. де. О романе / Г. де. Мопассан // Пьер и Жан. – М. : Худож. лит., 1974. – С. 3–8.
4. Мопассан Г. де. Жизнь / Г. де Мопассан. – М. : АСТ Ермак, 2007. – 68 с.
5. Мопассан Г. де. Ожерелье / Г. де Мопассан // Пышка : [новеллы]. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 150–157.
6. Флобер Г. Госпожа Бовари / Г. Флобер // Г. Флобер. Собр.соч. : в 3-х т. – М. : Худ. лит., 1983. – Т. 1. – С. 29–332.
7. Флобер Г. Письмо Л. Колле / Г. Флобер // Флобер Г. Собр. соч. : в 5-ти т. – М. : Правда, 1956. – Т. 5. – С. 308–309.

Аннотация

В статье рассматривается боваризм как стремление прожить иллюзорную жизнь на примере истории Эммы Бовари из романа Г. Флобера “Госпожа Бовари” и Матильды Луазель из новеллы Г. де Мопассана “Ожерелье”. Сопоставляются их происхождение, воспитание, образование, чтение книг, породившее миф об идеальном мужчине и настоящем счастье. Особое внимание уделяется балу в жизни каждой героини, повлиявшему на их дальнейшую жизнь. Если в воображении флюберовской героини после бала формируется миф о Париже, который приводит ее к гибели, то потеря чужой драгоценности резко изменяет жизнь героини Мопассана. Лекарством от боваризма, по мнению писателя, стало потрясение, связанное с материальными проблемами, и жизнь, полная ответственности и напряженного труда.

Ключевые слова: боваризм, иллюзии, романтические идеалы, романтическая героиня, миф об идеальном мужчине, миф о Париже.

Анотація

У статті розглядається боваризм як намагання прожити ілюзорне життя на прикладі історії Емми Боварі з роману Г. Флобера "Пані Боварі" та Матильди Луазель з новели Г. де Мопассана "Намісто". Співставляється їхнє походження, виховання, освіта, читання книг, що спричинило формування міфу про ідеального чоловіка і справжнє щастя. Особлива увага приділяється балу в житті кожної героїні, що вплинув на їхнє подальше життя. Якщо в уяві флоберівської героїні після балу формується міф про Париж, який приводить її до загибелі, то втрата чужої дорожчності різко змінила життя героїні Мопассана. Ліками від боваризму, на думку письменника, стало потрясіння, пов'язане з матеріальними проблемами, і життя, сповнене відповідальності і напруженої праці.

Ключові слова: боваризм, ілюзії, романтичні ідеали, романтична героїня, міф про ідеального чоловіка, міф про Париж.

Summary

The article deals with the bovarysme as the attempt to spend an illusive life like Emma Bovary from the novel "Madame Bovary" by Flaubert or Mathilde Loisel from the short story "Necklace" by Maupassant. Comparison of their origin, upbringing, education, reading books caused the formation of the myth of ideal husband and real happiness. Special attention is paid to balls that influenced on the further life of each heroine. If the formation of the myth of Paris in the imagination of Flaubert's heroine caused her death, the life of Maupassant's heroine was changed by loss of other's treasure. Medicine for bovarysme, according to the writer, became the shock dealing with the financial problems and life full of responsibility and intensive work.

Keywords: bovarysme, illusions, romantic ideals, romantic heroine, myth of ideal husband, myth of Paris.

Стаття надійшла до редколегії 20.09.2012 р.

УДК 821.162.1

Ткачук О. П.,

кандидат філологічних наук,

Хмельницький національний університет

ВИГНАННЯ ТА КОНТРАПУНКТИ ЛЮБОВІ В НОВЕЛІ ДЖОЗЕФА КОНРАДА "ЕМІ ФОСТЕР"

Досліджуючи творчість великого англійського класика польського походження Джозефа Конрада, зарубіжні літературознавці Річард Керл, Гарретт Стюарт, Хью Уолпол, Едвард Гренкшоу, Бернард Мейєр, Пол Кіршнер, Бернард Париже, Джон Андерсен, Роберт Хадсон, Едвін Арнольд, Ентоні Фотерджилл, Здзіслав Найдер, Норман Шеррі, Веслав Крайка, Гаретт Стюарт, Джон Генрі Стейп зосереджували увагу на художній майстерності та особливостях творчого методу митця.

На теренах колишнього Радянського Союзу та під час незалежності Росії й України наукові розвідки К. Ю. Генієвої, І. М. Катарського, М. В. Урнова були присвячені вивченню творчого доробку Джозефа Конрада в аспекті неоромантичного методу, Д. М. Урнова, М. Соколянського, М. Амусіна – особливостям психологізму та російським впливам, О. Веретюк, О. Столяренко та С. Яковенко – національний